
РЕЦЕНЗИИ И ОБЗОРЫ

**«ЕДИНСТВО И МНОГООБРАЗИЕ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ»
КРУГЛЫЙ СТОЛ В РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК ВЯТГГУ»,
ФЕВРАЛЬ 2015 г.****Ведущий: доктор философских наук, профессор М.И. Ненашев***Ненашев Михаил Иванович**Вятский государственный гуманитарный университет***«THE UNITY AND DIVERSITY OF RUSSIAN PHILOSOPHY»
THE ROUND TABLE IN EDITORIAL OFFICE
OF «VYATKA STATE HUMANITIES UNIVERSITY HERALD»,
FEBRUARY, 2015***Mikhail I. Nenashev**Vyatka State Humanities University*

История русской философии может быть понята как то, что творится живыми, мыслящими и чувствующими людьми, в том числе в диалоге между носителями разных мировоззрений. В таком случае ее единство не может быть чем-то таким, что дано однажды и навсегда. Оно должно постоянно переопределяться или, по крайней мере, уточняться. Обсуждение проблем русской философии воспринималась присутствующими на круглом столе как способ участия в этой сложной и интересной работе.

Доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой истории русской философии МГУ **М.А. Маслин** (Москва) представил доклад «Единство и многообразие русской философии». Он подчеркнул, что «русская философия, являясь органической частью всеобщей истории философии, отображает в то же время внутреннюю историю русского самосознания, выраженную в философских идеях, течениях, концепциях и системах, отражающих национально-своеобразное осмысление универсальных философских проблем» [1, с. 7]. Следует различать объективное существование русской философской мысли, подтверждаемое источниками и восходящее к XI в., и ее научное описание, существующее немногим более 170 лет. Дело в том, что первая книга по истории русской философии была опубликована в 1840 г., она принад-

лежала перу архимандрита Гавриила, профессора Казанского университета. Этот временной разрыв породил особое разнообразие мнений о русской философии, обусловленных методологическими, идеологическими, ценностными и другими мотивациями.

М.А. Маслин выделил главные этапы развития русской философии: средневековый период (XI–XVII вв.), философия Нового времени (XVIII в.), философия XIX в. и философия XX–XXI вв.

Дохристианская (языческая) культура Древней Руси была бесписьменной, ее мировоззренческую основу составлял политеизм. Человек и Вселенная подчинялись неизменному круговороту природных циклов. Не было понимания хода исторического времени, направленности и смысла истории как процесса. Христианство внесло идею «начала» и «конца», применимую как к отдельному человеку, так и к человеческой истории в целом. Были введены темы моральной ответственности за содеянное при жизни: греховности, покаяния, жалости к несовершенному человеку. Лейтмотив русской философии был подчеркнут в начале XX столетия В.В. Розановым: «Никакой человек не достоин похвалы. Всякий человек достоин только жалости». Это высказывание свидетельствует о внутреннем единстве русской философии, которое выражается

в «переключке» ее основополагающих идей, отделенных друг от друга порой столетиями.

В советский период русская философия впервые стала предметом университетского преподавания. Однако в ее рамках под видом философских концепций нередко рассматривались религиозные, социально-политические, а также мифологические идеи, в т.ч. бесписьменных источников народов СССР. В преподавании же собственно русской философии делался акцент на концепциях, связанных с материализмом и социализмом.

В постсоветский период широкое распространение получают плюралистические версии русской философии. Однако «вместо “собираания в единство” огромного многообразия разных проявлений интегральной отечественной философской культуры разных эпох можно наблюдать ее насильственное “приведение к общему знаменателю”, хотя философия может быть понята в разные эпохи по-разному, не только как история систем или как наука, но и как мудрость, или как искусство» [1, с. 14]. В результате одни фрагменты целого русской философии объявляются главными достижениями и противопоставляются другим в качестве чуть ли не бессодержательной периферии.

В совместном выступлении **Т.Г. Щедриной**, доктора философских наук, профессора кафедры философии Московского педагогического государственного университета, и **Б.И. Пружинина**, доктора философских наук, гл. редактора журнала «Вопросы философии», ведущего научного сотрудника Института философии РАН, профессора НИУ «Высшая школа экономики» (Москва), внимание акцентировалось на том, что в разговоре о русской философии и философах имеется в виду творчество тех мыслителей, которые размышляли о философских проблемах на русском языке и благодаря этому были укоренены в русской культуре. «Их судьбы складывались очень по-разному, они могли жить в России и не в России, они могли писать свои работы на русском и не на русском языке, они могли интересоваться и исследовать самые разные философские сюжеты, они могли разрабатывать самые различные тенденции мировой философии... Но именно родной язык пронизывал их размышления и определял их идейные горизонты. Конечно же, отнюдь не только через язык они впитывали в себя отечественную культуру во всей ее полноте, но именно через родной язык они реализовывали ее потенциал в своих поисках» [1, с. 17].

Выделим также другую мысль: «Когда в начале 1990-х началась реализация проекта “Из истории отечественной философской мысли”, казалось, что вот сейчас мы Струве издадим, вот сейчас мы Бер-

дяева издадим, и нам всё станет ясно — они нам объяснят, как философия сегодня, в эпоху крутых социально-экономических изменений должна выполнять свои функции, они объяснят это всем, и страна будет жить этими идеями. Между тем все более настойчиво приходило ощущение разрыва, ощущение несоотнесенности их идей с новой реальностью». Выяснилось, что «философы первой половины XX в. отвечали на вопросы, которые им ставила их реальность, а мы сталкивались со своей... Извлеченные из перепечатанных работ идеи как бы парили над временем. ...Мы все острее ощущали разрыв, внеисторическую абстрактность их текстов» [1, с. 17]. А ведь когда начинали издавать, было такое чувство, что мы сейчас разрыв в культуре преодолеем и «прерванный полет» продолжим. Не получалось. Переиздание без истории оказалось не возрождением, а воспроизведением. Стало понятно, что нужна серьезная комментаторская работа для выяснения того, что собственно русские философы первой половины XX в. хотели сказать в их историческом контексте.

Здесь можно наметить связь с мыслью **Л.Е. Моториной**, профессора кафедры философии факультета социального инжиниринга Московского авиационного института (национального исследовательского университета). Опираясь на исследование итальянского философа Витторио Страда, она отмечает, что в XXI в. «Россия оказалась перед более трудными и рискованными задачами, чем когда либо в своем историческом прошлом, потому что на карту поставлено само ее существование, и не столько физическое, сколько духовное, при том, что ей необходимо освободиться от слишком многих иллюзий и особенно — соблазнов искать решения на пути реставрации и авторитаризма» [1, с. 88]. И что «сложность ситуации заключена в том факте, что нити преемственности русской культуры оказались гораздо слабее, чем те разломы и разрывы, которые случились в истории России во всех ее сферах: экономической, политической, религиозной, духовной» [1, с. 28–29].

В выступлении **С.А. Нижникова**, доктора философских наук, профессора кафедры истории философии факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов (Москва), отмечено, что М.А. Маслин блестяще показал единство развития русской философии во всем ее многообразии, описал вехи этого пути. Но важно иметь в виду, что русская философия, так, как она сейчас понимается, не покрывает собой понятия «философия в России», «которая богаче и многообразнее, включает в себя фундаментальные исследования восточных философий — китайской,

индийской, арабо-мусульманской, латиноамериканской и др.» [1, с. 25]. В России сложились философские и историко-философские школы с более чем вековой историей. Эти школы развиваются в России и на основе русской культуры, поэтому это тоже варианты развития русской философии и истории философии по изучению иных духовных миров. Россия и русская мысль — это место встречи культур Запада и Востока, и отечественные мыслители, особенно XX и начавшегося XXI в. синтезируют это многообразие философских и духовных течений и достижений.

В «лоне» русской религиозной философии также осуществлялся проект построения «метафизики веры», которая несводима ни к религии, ни к науке, ни к мистике. Ее можно определить «как *духовная философия*, ибо ее предметом является духовное познание, осуществляемое посредством *веры* и закрепляемое в философском дискурсе. Метафизика веры, в этом смысле, есть тот “просвет бытия”, в который призван экзистировать человек, т.е. приобщать к реальной, осмысленной духовной жизни» [1, с. 25]. Здесь открываются перспективы дальнейшего развития (софиология, имяславие, эсхатологическая историософия, персонализм и др.). Можно также говорить о параллелизме историко-философского процесса в европейском масштабе, сравнивая, например, в этом контексте творчество Л.С. Франка и М. Хайдеггера.

В выступлении **В.В. Ванчугова**, доктора философских наук, профессора кафедры истории русской философии философского факультета МГУ, были раскрыты детали процесса создания книги архимандрита Гавриила об истории русского любомудрия. У этой книги с современной точки зрения много недостатков: компилятивность, диспропорции в объеме при представлении персоналий, присутствие третьестепенных лиц при отсутствии многих безусловно значимых для философии мыслителей. Также «присутствует сумбурность изложения и размытость формулировок; невнятная методология, чрезмерное усердие в следовании “духу времени”, проявившееся в буквальном исполнении предписаний начальства из Министерства народного просвещения» [1, с. 16]. И все же архим. Гавриил был единственным, кто взялся за написание истории философии в России, завершив ею четырехтомный курс всеобщей истории философии: «Он был первым, кто сделал подобную работу, не только, фигурально выражаясь, богоугодную, но и полезную для философии» [1, с. 16].

Л.Р. Авдеева, кандидат философских наук, ст. научный сотрудник кафедры истории русской философии философского факультета МГУ, напо-

нила слова из доклада М.А. Маслина: началом и образцом средневековой русской философской мысли является «Слово о законе и благодати» киевского митрополита Илариона. Эта работа в идейном плане восходит к сочинениям «отцов церкви» IV–V вв., в частности к Гр. Нисскому, развивавшему учение об эсхатологическом милосердии. «Произведение Илариона посвящено осмыслению значения христианизации Руси как пришествия “благодати” и “истины”» [1, с. 27]. «Слово о законе и благодати» оказалось смыслообразующим для последующих философско-исторических построений русских мыслителей. «Концепция, ориентирующаяся на противопоставление “закона” и “благодати”, становится распространенной и общезначимой, это свидетельствует о том, что древнерусские книжники готовы были иносказательно толковать традиционные библейские сюжеты. Это лишь один пример, позволяющий говорить о возрастании стремления самостоятельно обдумывать и оценивать социально значимые проблемы» [1, с. 27]. В разнообразии школ и систем, которое само по себе является исторической и культурной ценностью, связь с древнерусской традицией в этом калейдоскопе может показаться призрачной, но она, несомненно, присутствует в качестве одной из основ появления всего этого многообразия.

С.В. Срегенская, кандидат философских наук, магистрант кафедры философии института истории и культуры ВятГГУ (Киров), обращается к рассуждениям В.Ф. Эрна по поводу ratio и Логоса как двух типов философствования. Ratio, по мысли В.Ф. Эрна, — это орудие самоутверждения человека, ускользнувшего из «могучих и властных рук католической церкви», в то же время это — орудие, препарирующее живую мысль. «Личностное начало для ratio иррационально, и потому всё рациональное должно мыслиться вне категорий личности, то есть, имперсонально. Личность должна эмигрировать из философии в область искусства и религии. Таким образом, рационализм, меонизм, имперсонализм — три черты, характеризующие новую европейскую мысль» [1, с. 30].

По мысли В.Ф. Эрна, для Логоса характерна онтологическая, а не гносеологическая концепция истины. «Λόγος свидетельствует об отклике человеческой мысли на божественный “клик”, но, тем не менее, остаётся, как и ratio, знанием божественного, опосредованным мыслью, или ratio, “усыновлённым” Словом» [1, с. 30].

Умудрённое неведение как модус Λόγος’a репрезентировано в таком концепте, как «понимание» (В.В. Розанов). Понимание не подвластно че-

ловеку, стремясь к пониманию, человек выполняет не свою волю, но повинуется воле создавшего его. Осознавая, что мир непостижим и человеческая природа несовершенна, тем не менее, *понимая*, человек следует своему предназначению на земле.

Е.А. Счастливец, доктор философских наук, доцент кафедры философии факультета истории и культуры ВятГГУ (Киров), обратила внимание на ту роль, которую сыграли Г.Г. Шпет и Н.О. Лосский в истории русской философии. Согласно Шпету, естественное познание основано на объяснении законов, а в гуманитарной области мы имеем дело с постижением смысла. «Он ставит проблему взаимосвязи интуиции и понимания как феноменологического “схватывания” сути предмета, постижения его смысла, поднимает целый пласт проблем, в том числе в области лингвистики, семантической логики и семиотики и т.д.» [1, с. 32].

Лосский как последователь философии В. Шуппе строит учение о внутренних актах нашего сознания, оставаясь продолжателем некоторых специфических черт русской философии начала XX в. «Возникает вопрос: где находится объект знания, на который направлено переживание — вне процесса переживания или в самом этом процессе? В первом случае знание имеет трансцендентный характер, а во втором оно имманентно. Лосский полагает, что построить концепцию трансцендентного знания без противоречий нельзя, поскольку здесь уже будет ощущаться разрыв между субъектом и объектом, тогда как теория имманентности вполне приемлема, так как снимает все противоречия между субъектом и объектом» [1, с. 33]. Можно согласиться с Лосским, что если знание относится к объектам внутреннего восприятия, то имманентность объекта самому знанию еще более очевидна. Но в случае отсутствия объекта в самом познавательном процессе в его философии возникает проблема, решение которой не очевидно.

Т.А. Горюнова, кандидат философских наук, доцент кафедры философии института истории и культуры ВятГГУ (Киров), обратила внимание на мысль в докладе М.А. Маслина о внутреннем диалоге русской философии с антично-христианским Логосом и новоевропейской рациональностью. И остановилась на связи концепции имени С.Н. Булгакова с идеями античных и новоевропейских авторов.

Булгаков отталкивается от идеи внутренней формы, согласно которой слова как первоэлемент мысли и речи суть носители мысли и выражают идею как простое и далее неразложимое качество

бытия. «Идея слова есть чистая качественность смысла, не допускающая никакого определения через другое, через контекст. Её нужно воспринять абсолютным слухом. Процесс именования... есть первичное и элементарное познание, узнавание в вещах их смысла и закрепление этого узнавания в имени. Воплощаясь в словах, идеи просветляют алогичное, тёмное бытие, привнося в мир осмысленность» [1, с. 33].

Булгаков рассматривает сущностные признаки слова на основе «нераздельного и неслиянного» бытия формы и материи. Понятие Булгакова «тело слова» — это метафора, под которой мыслитель подразумевает внутреннюю форму, восходящую к концепциям Платона и Аристотеля. Нематериальная энергия слова полнокровно осуществляется только в материи, тесно с ней сопряжена, становясь в этом случае материей, освещённой формой.

Т.М. Караев, доктор философских наук, профессор кафедры истории русской философии философского факультета МГУ, подчеркнул роль идей Н.Г. Чернышевского, который был знаком с работой известного уже тогда востоковеда Мирзы-Казембека «Общая грамматика турецкого, татарского языка». Чернышевскому же принадлежит рецензия на народный азербайджанский эпос «Кёр-оглы», опубликованный в 1856 г. Он напомнил, что в личной библиотеке М.Ф. Ахундова сохранились записи, появившиеся во время чтения романа Чернышевского «Что делать». «Ахундов вслед за Чернышевским приходит к выводу, что философия — это наука, которая может привести к социальной гармонии и справедливости. Данная установка привела Ахундова к позиции полного отрицания ислама как устаревшего типа мировоззрения, неспособного вести по линии прогресса» [1, с. 35].

Заслуга Н.Г. Чернышевского состоит также в расширении ареала культуры России и русского языка, «в проникновении в кавказскую обществоведческую мысль идей мировой философии и таких имен, как Гегель, Кант, Фейербах, Спиноза, Конт, Шеллинг, И. Бентам, Дж.С. Милль, П.Ж. Прудон, Л. Блан, П. Леру, Ш. Фурье и др.» [1, с. 35–36]. Было подчеркнуто, что проблемы взаимопроникновения и синтеза русской и кавказской культуры в историческом аспекте всегда остаются актуальными.

О.В. Пих, аспирантка кафедры истории русской философии философского факультета МГУ, обратила внимание на то, что «отечественное любомудрие для многих ассоциируется лишь с калькой европейских идей, перенесённых на русскую почву и высказанных понятным для нашего мента-

литета языком» [1, с. 36]. Однако цельное представление о русской философии может быть получено лишь в результате осмысления *всей её истории* от Киевской Руси до наших дней. Нужно иметь смелость представить историю русской философии в её реальном виде, обозначив в том числе её сильные и слабые стороны, выделив влияние и внешних факторов. Некоторый синкретизм и противоречивость русской философии не должны умалчиваться, они подчеркивают индивидуальность, собственный путь искания истины.

А.Ю. Бердникова, аспирантка кафедры истории русской философии философского факультета МГУ, отметила, что именно в XVIII–XIX вв. в России начинается становление светского типа философствования на базе открывающихся по всей территории страны университетов. «Решающую роль при этом сыграли русско-немецкие связи, позволявшие приглашать немецких профессоров в российские университеты. Также велик был интерес к идеям немецких просветителей того времени — Г. Лейбница и Х. Вольфа, занимавших для русских мыслителей особое место в ряду западных рационалистов» [1, с. 37]. Идеи Лейбница были усвоены через призму взглядов Х. Вольфа М.В. Ломоносовым, который использовал учение о монадах в своей теории корпускул, при этом абстрагируясь от понимания монады как духовной, идеальной сущности.

Председатель Московской философско-математической школы Н.В. Бугаев строил свое учение о монадах, исходя из принципа математической прерывности, идеи Бугаева переосмыслил в религиозно-эсхатологическом контексте о. Павел Флоренский.

М.И. Ненашев, доктор философских наук, профессор кафедры социологии и рекламы факультета социальных технологий ВятГГУ (Киров), отметил, что можно различными способами представить русскую философию как единство многообразия школ, направлений, подходов. Очевидно, что точка зрения докладчика М.А. Маслина позволяет получить многоликую и одновременно связную картину проблемного мыслительного поля русской философии. В то же время русскую философию можно представить также через движение от *идеи единства* к многообразию. В этом случае само многообразие будет выглядеть несколько иначе — в виде совокупности концепций и направлений, которые *нельзя измерить одной мерой*. «Образно говоря, мы должны признать, что не все ветви русской философии растут из одного ствола. Тем не менее, развиваясь параллельно и переплетаясь друг с другом, эти стволы образуют

вот таким способом национально-своеобразное смысловое единство русской философии» [1, с. 39].

М.И. Ненашев ссылается на И.И. Евлампиева, который охарактеризовал русскую культуру в качестве диссонансной [2, с. 33–40], и считает, что эту характеристику вполне можно перенести на русскую философию. Диссонансная, выступающая в виде драматического диалога несовместимых мировоззрений, но именно поэтому — единая.

В.А. Кувакин, доктор философских наук, профессор кафедры истории русской философии философского факультета МГУ, подчеркнул, что далеко не каждая страна имеет собственную оригинальную и богатую национальную философскую традицию. А в России она есть. Эта интеллектуальная традиция наряду с литературой, наукой и искусством входит в наследие не только отечественной, но и мировой культуры. Русская философия была, есть и будет независимо, а иногда и вопреки каждому из нас. И в этом проявляется ее историко-онтологическая субстанциальность. В гносеологическом аспекте она предстает как познание, отражение и переживание вечных философских тем, а также глубинных метафизических и историософских тем о самой России, ее отношении к себе и к миру в целом.

«Словосочетание “история русской философии” омонимично, поскольку история русской философии представляет собой, во-первых, объективный процесс ее зарождения и развития, бытования в нашей стране в качестве реальной компоненты отечественной культуры... И в этом проявляется ее историко-онтологическая субстанциальность. Во-вторых, она — область знания, существующая здесь-и-теперь, всегда для настоящего и лишь идеально для прошлого и потенциально — для будущего. В своем гносеологическом аспекте она предстает как познание, отражение и переживание русским философским сознанием вечных философских тем, так же как и глубинных метафизических и историософских тем о самой России, ее отношении к себе и к миру в целом» [1, с. 40].

Но и это не все, поскольку история русской философии — аксиологична, ценностна. «Мы имеем здесь дело с ценностью экзистенциальной, т.е. жизненно важной, потому что независимо от того, знаем мы это или нет, желаем мы того или нет, но русская философия прямо, но чаще подпочвенно, через психологию и язык, литературу или политику, историю или быт входит в состав нашего *родного, родимого*, становясь для нас такой же близкой, как мать, отец, родня, как близкие нам люди, как родной ландшафт или язык...» [1, с. 40].

Опыт преподавания истории русской философии показывает, что при благоприятных условиях происходит *расширение* круга нашего интереса к ней, *рост* уважения и даже любви, включение в область нашего *эмпатического* чувства практически всей тысячелетней саги русской мысли и всех персонажей этой потрясающей человеческой и идейной драмы.

В заключительном слове профессор **М.И. Ненашев** признал, что круглый стол обнаружил большое разнообразие точек зрения, аспектов и подходов. Какую-то общую методологию, основанную на универсальном подходе к интерпретации истории русской философии как научной дисциплины на современном этапе, по-видимому, выделить невозможно. Впрочем, важно не навязывать видение данного предмета в пределах какой-то «образцовой» объяснительной модели, но добиться максимально широкого охвата всего многообразия форм русской философской мысли.

Список литературы

1. *Круглый стол «Единство и многообразие русской философии»* // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2015. № 2. С. 6–45.

Об авторе

Ненашев Михаил Иванович

доктор философских наук, профессор кафедры социологии и рекламы

Вятский государственный гуманитарный университет,
610002, Киров, ул. Красноармейская, 26;
e-mail: mnenashev@inbox.ru

Вятского государственного гуманитарного университета. 2015. № 2. С. 6–45.

2. *Евlampиев И.И.* История русской метафизики в XIX–XX веках. Русская философия в поисках Абсолюта: в 2 т. СПб.: Алетея, 2000. Т. 1. 416 с.

Получено 01.05.2015

References

1. [Round table «The Unity and Diversity of Russian philosophy»]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta* [Vyatka State Humanities University Herald]. 2015, no 2, pp. 6–45. (In Russian).
2. Evlampiev E.I. *Istoriya russkoj metafiziki v XIX-XX vekah. Russkaya filozofiya v poiskah Absolyuta: v 2 t.* [History of Russian metaphysics in XIX-XX centuries. Russian philosophy in search of Absolute: in 2 vol.]. Saint Petersburg, Aletejya Publ., 2000. Vol. 1, 416 p. (In Russian).

The date of the manuscript receipt 01.05.2015

About the author

Nenashev Mikhail Ivanovitch

D.Sc. (Habilitation), Professor of Philosophy and Advertising Department

Vyatka State Humanities University,
26, Krasnoarmeyskaya str., Kirov, 610002, Russia;
e-mail: mnenashev@inbox.ru

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Ненашев М.И. «Единство и многообразие русской философии». Круглый стол в редакции журнала «Вестник ВятГГУ», февраль 2015 года // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2015. Вып. 2(22). С. 119–124.

Please cite this article in English as:

Nenashev M.I. «The Unity and Diversit of Russian philosophy». The Round table in editorial office of «Vyatka State Humanities University Herald», February, 2015 // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2015. Iss. 2(22). P. 119–124.